

С «Поющими гитарами» мы разговорились в гримерке Театра Эстрады. На носу был концерт, посвященный юбилею театра. И честно говоря, страшновато было беспокоить перед самым выступлением таких исполнителей. Казалось — ну что я им скажу? И что они мне скажут? Это ж динозавры, наверное, какие-то. С какой стати им будет интересно обсуждать старые-престарые темы? Хорошо, что эти мысли оказались ерундой и предрассудками. Что бы там ни было на сцене, «Гитары», когда видишь их лицом к лицу, — люди общительные, критичные, бодрые и по-хорошему молодежавые. А как начинаешь с ними общаться — принимаются кричать, хохотать и перекрикивать друг друга, как дети, ей-богу. Так что после, расшифровывая запись интервью, с трудом разберешься, кто из этих молодых людей что выкрикнул. Однако ж — вот как это было.

Фото Натальи ЧАЙКИ

ВИА

«Поющие гитары»:

Нас было не переплюнуть — как «Битлз»!

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛИ

Сергей ДРОНОВ, продюсер «Поющих гитар»: — Вообще-то в маленьких театрах, как Театр Эстрады, мы выступаем очень редко. Все-таки мы живем хлебом насущным — надо зарабатывать деньги. Нам желательно, чтоб было не меньше двух тысяч мест. Поэтому наша основная площадка — «Октябрьский». Сейчас планируем сыграть в Ледовом дворце.

— А раньше не играли?

Василий БОРИСОВ: — Мы открывали его! Верней, его отстроенную крышу. У строителя такой обычай: как крышу возвели — надо, чтоб кто-то дал концерт. Причем зала еще не было: утрамбованный песок и сцена, сколоченная из досок.

И «Октябрьский», в общем, тоже мы открыли. Играли там в первый же день. Да и в «Юбилейном» мы были первооткрыватели...

Но мне кажется, вот что важно: ансамбль «Дружба» и «Поющие гитары» в то время создали эталон хорошего. Анатолий Васильев и Евгений Броневицкий собрали профессиональный состав. И «Поющими гитарами» для Советского Союза была поставлена очень высокая планка. Мы вписывались во все мировые музыкальные стандарты. Конечно, на худсовете в Ленконцерте (это было еще до меня) говорили, что это разврат, это какие-то «Битлз». Такие нам не нужны! А Георгий Коркин, директор Ленконцерта, был оперный певец, большой музыкант и хороший администратор. Он всех выслушал, встал и говорит: все, ребята, будете работать. Играйте сольный концерт. И все тут же побежали поздравлять — мол, как замечательно!

— И уже тогда было название «Поющие гитары»?

В. Б.: — Нет, это потом в недрах административного аппарата встал вопрос: как называть коллектив? Поют? На гитарах играют? Ну вот и пусть будут «Поющие гитары».

С. Д.: — В бухгалтерии не знали, как оформлять зарплату. Вокалистам было принято платить отдельно, а музыкантам — отдельно. Поскольку ребята и пели, и играли — записали «вокал + инструментал. ансамбль». Так и появилось словечко «ВИА». До этого даже прецедента не было, чтобы люди сами на сцене пели и играли — в формате «Битлз». А это 66-й год...

В. Б.: — Еще не было никакой индустрии песен. Собственные сочинения — запрещались, «не больше 2 процентов». А советские композиторы сами не сразу проснулись.

Привыкли к стилю Кобзона, Хиля... Пробу-дились чуть позже, когда ВИА пошла как грибы после дождя. Только в 69-м начали играть «Песняры», в 70-м — «Самоцветы». Но там был очень сильный ценз: надо было петь о партии и БАМе.

Мы как-то пытались хитрить, но кончилось тем, что коллектив разогнали, — было дело. На прощальный концерт в Москве губернантика привела внука Фурцевой, жуткого нашего поклонника. После концерта они зашли в гримерку за автографами. Губернантика спрашивает: ребята, может быть, есть какие-то пожелания? «А нету уже никаких пожеланий», — отвечают ей. — «Распустили нас».

Фурцева, конечно, всем, кому надо, наступала по голове. Коллектив оставили и с тех пор вообще не трогали. Мы выглядели даже не «совково» — джинсу носили, длинные волосы...

Юрий СОКОЛОВ: — Как-то раз поехали в Чехословакию. Отправился с нами, как всегда, руководитель по партийной линии. Чтоб доносить писать и прочее. А мы работали на самой центральной площадке, называется — зал «Люцерна». Там и «Битлз» выступали. Приехали — партиец говорит: все, волосы заколоть! Специальный парикмахер закалывал волосы шпильками и покрывал лаком. Мы головы не могли на пять сантиметров повернуть — сиди, играй. Первое отделение отработали на ура — не уйти со сцены. Мы плюнули на этого деятеля, заколки сорвали, расчесались и второе отделение сыграли уже по-нашему.

— Как вы себя чувствовали, когда у вас наконец появились конкуренты?

Ю. С.: — А нас никто не мог переплюнуть. Как «Битлз». Как повалил на нас народ...

— Даже на английском пели?

В. Б.: — У нас в репертуаре было песни четыре «Битлз». Особенно это срабатывало на больших стадионах: у нас ведь был уникальный дуэт из Жени Броневицкого, который и по сейчас с нами, и Саши Федорова, который ныне, к сожалению, в Канаде. Дуэт был — как Маккартни и Леннон. Когда перед большой аудиторией пели, все думали: что это, фонограмму, что ли, включили?

С. Д.: — Да, брали западные песни, писали к ним стихи и еще ввали коммунистам, что это рабоче-крестьянская песня. Но внедрять-то как-то надо было!

В. Б.: — А потом в «Поющие» пришел Юра Антонов — ну, верней, его привезли из Минска. С гармошкой! И через несколько месяцев из него заструился настоящий фон-

У нас был уникальный дуэт из Жени Броневицкого, который и по сейчас с нами, и Саши Федорова, который ныне, к сожалению, в Канаде. Дуэт был — как Маккартни и Леннон. Когда перед большой аудиторией пели, все думали: что это, фонограмму, что ли, включили? Брали западные песни, писали к ним стихи и еще ввали коммунистам, что это рабоче-крестьянская песня.

тан песен. А потом случилась большая неприятность, и его Ленконцерт с треском выгнал. Одна поклонница пришла к нему в гримерку, принялась приставать. Он сказал: «Выйдите отсюда!» И кинул каким-то фантиком. Она заявила, что Антонов ее ударил. Оказалось, была беременна... Его чуть не посадили. Но обошлось.

С. Д.: — Вася, нужно все-таки сказать, что стал он знаменит после аранжировки Жени Броневицкого на его песню «Нет тебя прекрасней». «Гитары» ее спели, и все узнали, что существует такой композитор Антонов. После этого он звонил Жене домой и говорил: «Старик, ты из меня сделал самого популярного человека в этой стране!»

ПРО ПАРТИЮ НИКОГДА НЕ ПЕЛИ

В. Б.: — Но нас тоже принимали всегда замечательно. Приезжаем, скажем, в Киев — каждый день аншлаг. За 10 дней мы принесли Ленконцерту 180 тысяч рублей — это по тем-то временам, когда «Волга» стоила четыре тысячи!

— А вы сколько получали?

В. Б.: — Получали свои скромные 27 рублей за концерт. А за миллионный тираж нашей пластинки, разошедшийся в один день, — получили бумажку, где значилось «гононар 76 рублей»!

— Ну хорошо, деньги дешевают. А что с отношением? Как сегодня молодежь к вам относится?

В. Б.: — Люди приходят и говорят: мы дружили, гуляли, женились под вашу музыку! Это их — и наша — молодость. И теперь на наших концертах они снова делаются моложе. Да и мы молодеем, играя для них. Музыка — это наша профессия, нам нужно зарабатывать на хлеб и беречь себя. Работать в рамках возможного, лавировать и искать золотую середину.

И надо сказать, что «Гитары» все-таки никогда не были просоветскими...

Евгений БРОНЕВИЦКИЙ: — Когда тебя выгоняют и жрать нечего — говорят: пойте «Полушко-поле», «Тачанку-растачанку». И пели. Обработывали по-своему, но пели.

В. Б.: — Но зато про партию — никогда не пели. На первом концерте «Поющих гитар» ребят поставили перед микрофонами

и ноги обвели мелом. И не дай господь пошевелиться, за эти следы выступить!

Евг. Б.: — Сейчас, впрочем, ноги не обводят, а все равно скучно. Маловато шедевров появляется.

МОДНАЯ СТАРИНА

В. Б.: — В наше время тоже было полно всякой пены. Это прошло. А мы, к счастью, остались. Не все — но какие-то любимые песни выдержали испытание. Можно себя какими угодно императорами называть, но если хитов нету — все бесполезно. Мы сейчас пишем кое-что новое, пробуем. Но зритель просит все равно — старое, любимое.

— А вам-то это интересно?

В. Б.: — Ну мы же для людей, не для себя работаем! Вот и Пол Маккартни про «Yesterday» тоже, наверное, думает: и зачем я это написал? А куда денешься? И начинаешь: «Yesterday-a-a-ay...»

— А когда вы, кстати, встретились вновь?

В. Б.: — С первой нашей встречи уже сорок три года прошло, потом была большая пауза — в двадцать с лишним лет... Двадцать лет, как мы снова вместе.

Евг. Б.: — Встретились мы случайно. Был такой пассионарий — Антон Гарнов, с философского факультета, работал журналистом. Он названивал нам с такой настойчивостью и с таким обаянием, что мы не могли не собраться. Я думаю, что это у него, как у охотника, было дело принципа — найти нас всех, собрать из разных щелей, по которым мы разбежались, и убедить попробовать еще раз в том же жанре — это безумно трудно.

В. Б.: — Это было в 97-м году, на Пасху, вскоре после нашего 30-летнего юбилея. И нам дали зал в Консерватории. Собрался такой бомонд! И был такой бешеный успех! Нас не отпускали со сцены. А потом предлагали: выступите еще здесь, и здесь... Так и пошло.

— А вообще вы чувствуете себя «ретро»?

Евг. Б.: — Как же не чувствовать, когда люди приходят и просят петь песни, которым сорок лет.

— Это не обидно?

Евг. Б.: — Наоборот — это модная старина, востребованная.

В. Б.: — У нас есть такая шутка: новые песни пишет тот, у кого старые плохие!